

К. А. Иванов

**Средневековое папство и его
представители**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К. А. Иванов**
Средневековое папство и его представители / К. А. Иванов – М.: Книга
по Требованию, 2016. – 304 с.

ISBN 978-5-458-47669-0

ISBN 978-5-458-47669-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе.

Вопросъ о средневѣковомъ папствѣ—одна изъ интереснѣйшихъ историческихъ темъ. Онъ касается крупнаго историческаго фактора средневѣковья, изученіе котораго интересно само по себѣ. Съ другой стороны, исторія средневѣкового папства есть исторія воплощенія въ извѣстныхъ формахъ возвышенной идеи, которою въ продолженіе вѣковъ жила значительная часть человѣчества. Исканіе единства, правды и мира, стремленіе воплотить въ жизни христіанскіе идеалы, устроить изъ всѣхъ человѣческихъ обществъ одинъ «градъ Божій», прообразъ Царства Небеснаго, характеризуютъ лучшую эпоху въ исторіи средневѣкового папства 1). Но эти идеальныя задачи оказались неразрѣшимыми. Искуситель манилъ Христа богатствами и славой міра сего. Христосъ не поклонился ему. Папство искушалось и поклонилось. Блага и власть міра сего увлекли его. Земныя чувства, привитыя къ выспреннимъ, возобладали надъ ними. Въ папствѣ воплотились сила и богатство. Этого было довольно, чтобы папская кафедра стала объектомъ вожделѣній для лицъ противоположнаго склада. Наступило торжество феодализма, бывшаго живымъ отрицаніемъ единства, правды и мира. Поэтому X в. и первая половина XI в. были порою сильнаго упадка папской власти.

Со второй половины XI вѣка папство возродилось, но уже не въ томъ видѣ, въ какомъ существовало до X вѣка. Теократическія стремленія были уже совсемъ не тѣмъ, чѣмъ были стремленія, го-

сподствовавшія въ раннемъ періодѣ. Тогда совершенно не ставилось вопроса о власти, объ ея объемѣ, и допускалось сосуществованіе властей при условіи христіанскаго единства; самому единству, по тогдашнимъ понятіямъ, не грозили ни наличность многихъ властей, ни безконечное разнообразіе мѣстныхъ условій и обычаевъ. Господствовавшее тогда направленіе не вполне подходитъ къ понятію о теократіи, въ томъ смыслѣ, въ какомъ обычно употребляется этотъ терминъ. Это направленіе было чѣмъ-то совершенно новымъ, неоднороднымъ съ тѣми теократическими направленіями и явленіями, которыя существовали у народовъ древняго Востока, какъ и само христіанство было религіей совершенно новою по сравненію съ прежде существовавшими религіозными системами. Великимъ откровеніемъ были слова Христовы: «царство мое несть отъ міра сего»¹⁾. Въ направленіи ранняго періода не только преобладало, но рѣшительно господствовало начало высшнее. Въ теократіи матеріальное возобладало надъ высшнимъ. Папа Григорій Великій писалъ въ свое время одному изъ восточныхъ патріарховъ, ждавшему отъ него приказаній: «ты — мой братъ по положенію и отецъ по добродѣтели; я не могу тебя приказывать...» Онъ не совѣтовалъ другимъ патріархамъ принимать титулъ «вселенскаго» и самъ не принялъ его. Онъ называлъ себя оффициально «рабомъ рабовъ Божіихъ», а въ частной перепискѣ «червемъ и прахомъ земнымъ», и желалъ отличиться отъ другихъ, какъ самъ выражался, «добродѣтелями, а не наименованіями». Искренно, хотя и ошибочно, вѣруя въ первенство римской церкви и ея предстоятеля, онъ ничѣмъ не желалъ отмѣчать этого первенства, такъ какъ всякаго рода отличія старшаго патріарха казались ему «обидными» для остальныхъ. Между тѣмъ, первенство Рима было въ его глазахъ правдой. «Развѣ я въ этомъ вопросѣ, благочестивѣйшій государь, — писалъ онъ императору Маврикію — защищаю собственное дѣло, развѣ я мщу за личную обиду? Я отстаиваю дѣло Всевышняго Бога, дѣло вселенской церкви». Какъ св.

¹⁾ Ев. Іоанна, гл. XVIII, 36.

Григорій Великій, такъ и лучшіе папы ранняго періода, стали превыше всего, превыше самихъ папъ каноны. Верховные представители теократіи имѣли совершенно иные взгляды, прибѣгали къ инымъ пріемамъ, говорили инымъ языкомъ. Они считали себя стоящими не только превыше всѣхъ патріарховъ, но и неизмѣримо выше всѣхъ королей и даже императорской власти. Они втянулись въ политику, возбуждали одну часть народа противъ другой, подданныхъ противъ государей. Папская курія совершенно утратила не только сущность, но и самое обличіе духовнаго учрежденія, и превратилась въ финансово-дипломатическую канцелярію. Папа Григорій VII, болѣе пригодный къ руководительству военными силами, чѣмъ духовною паствою, вѣрнѣйшими средствами къ утверженію всемірнаго владычества папъ считалъ деньги и грубую силу. Ему мало было побѣдить врага; онъ находилъ наслажденіе въ издѣвательствѣ надъ нимъ. Неизмѣримо выше Григорія VII по своимъ природнымъ дарованіямъ, по взглядамъ и пріемамъ своимъ, стоялъ папа Иннокентій III. При немъ какъ будто засвѣтилось отраженіе былыхъ идеаловъ, а самое папство достигло апогея своего могущества, по послѣ его кончины оно пало. Оно могло бы воспрянуть, взявъ голосу наилучшихъ людей, проведя неотложныя реформы, возстановивъ значеніе канонівъ, воскресивъ соборное начало, но оно сознательно не сдѣлало этого. Поэтому послѣдній періодъ въ исторіи средневѣковаго папства былъ какъ бы пикубаціоннымъ періодомъ движенія реформаціоннаго.

Совершившееся совершилось разъ и навсегда. Папство, какъ могущественный историческій факторъ, пережило всѣ стадіи своего развитія и, какъ таковое, перестало существовать. Папства въ историческомъ смыслѣ этого понятія уже нѣтъ, существуетъ только преемственность папъ, какъ представителей католической церкви. «Во второй половинѣ XIX в. Римъ—по словамъ Гладстона—снова пустилъ въ дѣло доктрины прежнихъ временъ, извлекъ и отточилъ ржавое оружіе, и напрасно думали, что онъ уже разучился употреблять его». «Папа требуетъ,—говоритъ тотъ же писатель—чтобы всякій,

кто принадлежит или присоединяется къ католической церкви, предоставляя свою гражданскую вѣрность и долгъ на произволь другого, а этотъ другой—онъ самъ». Но всѣ эти притязанія, не выдуманная «великимъ старцемъ», но на самомъ дѣлѣ проявившіяся въ указанную пору, звучать въ наше время, какъ голосъ съ другой, болѣе отсталой планеты. Противъ нихъ—и законы сущаго, и наука, и свобода духа, а равно и могучіе историческіе факторы современности: государственность и націонализмъ.

Царское Село.

12 августа 1915 г.

Введение.

Подобно тому, какъ величественный и могучій потокъ зачинается въ видѣ малаго источника, такъ и папство, одна изъ крупнѣйшихъ историческихъ силъ средневѣковья, истекаетъ изъ скромнаго начала. Приблизительно въ половинѣ II в. было положено начало сплску или, какъ называютъ его, каталогу римскихъ епископовъ, при чемъ во главѣ его было поставлено имя апостола Петра, какъ «князя апостоловъ и перваго папы». Эта величественная легенда, заполнившая пустоту смутнаго начала, свыше 1500 лѣтъ господствовала въ сознаниіи людей, какъ дѣйствительный фактъ, официальный же каталогъ римскихъ епископовъ и до сихъ поръ возглавляется именемъ апостола Петра. На самомъ дѣлѣ епископаты возникъ въ Римѣ около половины II в., а въ историческихъ источникахъ почти до конца II в. не встрѣчается и выраженія «римскіе папы»¹⁾. Нѣкоторые новѣйшіе ученые заходятъ въ своихъ

¹⁾ Д. Карсавинъ. Римская церковь и папство до половины II в. Ж. М. В. Пр. 1910 г., ноябрь.

Нѣкоторое сомнѣніе могло бы возникнуть у читателей подѣ влияніемъ весьма распространеннаго указанія объ обрѣтеніи въ Крыму первоучителемъ славянскимъ Константиномъ (Кирилломъ) мощей папы римскаго Климента, замученнаго будто бы при императорѣ Траянѣ, т. е. въ концѣ I и началѣ II в. (98—117). Наиболѣе осторожные научные критики не отвергаютъ факта обрѣтенія мощей, допуская даже, что это могли быть мощи какого-либо инога Климента, но не римскаго (мужа апостольскаго). Проф. Болотовъ остроумно объясняетъ, какъ неизвѣстный мученикъ могъ въ продолженіи семивѣковаго періода превратиться въ «римскаго папу». «Прочно съ римской имперіей—говоритъ онъ—жители Крыма не были связаны. Естественно, что прибывшаго сюда иностранца — мученика они назвали римскимъ». Неудивительно, съ

ислѣдоваціяхъ гораздо дальше. отвергая, какъ позднѣйшій вымыселъ, не только мнѣніе объ апостолѣ Петрѣ, какъ о первомъ епископѣ Рима, но и указаніе на пребываніе его въ «вѣчномъ городѣ». Не отказывалъ въ оригинальности мнѣнію о томъ, что апостола Петра никогда и не бывало въ Римѣ, мы тѣмъ не менѣе считаемъ его не то тенденціознымъ, не то скороспѣлымъ. Мы руководствуемся по данному вопросу высококомпетентнымъ выводомъ нашего отечественнаго ученаго В. В. Болотова, который говоритъ: «фактъ мученической кончины Петра въ Римѣ засвидѣтельствованъ такъ давно и столь многими свидѣтельствами, что не представляется никакой возможности отрицать его» ¹⁾. Такимъ образомъ апостолъ Петръ былъ въ Римѣ и скончался тамъ мученическою смертію, но не насадилъ тамъ христіанства и не могъ быть первымъ римскимъ папою, такъ какъ епископаты возникъ въ Римѣ почти сто лѣтъ спустя послѣ его кончины.

Уже первые римскіе папы, предъявляя различныя требованія епископамъ Африки и Малой Азіи, ссылались на «преданія римской церкви, хранямыя отъ апостоловъ Петра и Павла». Но, подобно апостолу Петру, и апостолъ Павелъ не былъ насадителемъ христіанскаго ученія въ «вѣчномъ городѣ». Оно уже было насаждено другими. Свое посланіе онъ написалъ уже существовавшей въ Римѣ христіанской общинѣ. Изъ этого посланія нетрудно усмотрѣть, что автора его преимущественно интересовалъ Востокъ. Онъ говоритъ, что имъ благовѣствованіе Христова распространено отъ Иерусалима и окрестностей до Иллирика» ²⁾, что опъ «старался благовѣст-

точки зрѣнія проф. Болотова, и то, что въ Римѣ признали его за „епископа“, т. е. папу. „Историческая эрудиція папы Николая была очень невысокой пробы, даже касательно событій болѣе близкаго времени, а тѣмъ болѣе относительно древнихъ преданій“. Весьма грустно, что составители учебниковъ продолжаютъ повторять старое, совершенно не считаясь съ наукою. При этомъ отношеніи ихъ къ своему дѣлу, не было бы никакой надобности и въ настоящемъ примѣчаніи.

¹⁾ Проф. В. В. Болотовъ. Лекціи по исторіи древней церкви. Т. II, стр. 55

²⁾ Къ Римл., гл. XV, 19.

бовать не тамъ, гдѣ уже было извѣстно имя Христова, дабы не созидать на чужомъ основаніи», въ чемъ и усматривалъ препятствіе къ путешествію въ Римъ ¹⁾. Въ томъ же посланіи апостоль Павелъ не разъ заявляетъ о желаніи своемъ побывать въ Римѣ и высказываетъ надежду на осуществленіе своего желанія при случаѣ. «Какъ только предприиму путь въ Испанію, приду къ вамъ. Пбо надѣюсь, что, проходя увижусь съ вами, и что вы проводите меня туда, какъ скоро наслажусь общеніемъ съ вами, хотя отчасти» ²⁾. Все изложенное нами выше и характерныя выдержки изъ посланія апостола Павла показываютъ намъ, что у папъ, ссылавшихся въ своихъ требованіяхъ на «преданія римской церкви, хранимыя отъ апостоловъ Петра и Павла», не было для такихъ ссылокъ никакихъ реальныхъ основаній.

«Въ Римѣ христіанство насаждено было не апостолами Петромъ или Павломъ,—говоритъ Болотовъ—а людьми, бывшими въ Іерусалимѣ въ Пятидесятницу. Неоспоримъ, однако, тотъ фактъ, что апостоль Петръ скончался въ Римѣ. Окраины Италіи также предъявляютъ претензіи на просвѣщеніе ихъ христіанствомъ отъ апостоловъ, но для этого нѣтъ твердыхъ даннхъ» ³⁾.

Такимъ образомъ совершенно рушится то основаніе, на которомъ было построено все средневѣковое ученіе о папствѣ. Ученіе это развивалось въ теченіе вѣковъ, пока не превратилось въ стройную систему. Но уже въ первые вѣка, когда легенда становилась убѣжденіемъ, образъ дѣйствія папъ по отношенію къ другимъ епископамъ принималъ все болѣе и болѣе притязательный характеръ. Папа Викторъ I (193—202), во время споровъ о времени празднованія Пасхи, отвѣтилъ ефесскому епископу отлученіемъ отъ церкви. Припяти папами

¹⁾ Тамъ же, гл. XV, 20—22.

²⁾ Тамъ же, гл. XV, 24.

³⁾ В. В. Болотовъ. Лекціи по исторіи древней церкви. Т. II, стр. 278—279. Проф. Болотовъ приводитъ въ качествѣ примѣра Миланъ, претензіи на насажденіе въ немъ христіанства апостоломъ Варнавою.—По заключенію того же ученаго, сама римская церковь до III вѣка оставалась греческою.

первыхъ вѣковъ притязательный тонъ далеко не всегда достигалъ цѣли, либо вызывая открытое осужденіе со стороны другихъ епископовъ, даже слѣдовавшихъ во всемъ римскимъ обычаямъ, либо приводя къ разрыву. Обратимся къ фактамъ. Когда папа Викторъ I отвѣтилъ отлученіемъ отъ церкви ефескому епископу Поликрату, защищавшему и твердо отстаивавшему практику, установившуюся въ Малой Азіи, многіе епископы, несогласные съ Поликратомъ, встрѣтили мѣру папы несочувственно и даже явно выразили свое порицаніе его образу дѣйствій. Обратимся къ другому случаю. Христіанство проникло въ Африку изъ Италіи повидимому еще въ концѣ I в. Это обстоятельство какъ бы ставило африканскую церковь въ нѣкоторую зависимость отъ Рима. И въ самомъ дѣлѣ, африканская церковь всегда смотрѣла на римскую, какъ на свою мать (*ecclesia matrix*). Но въ Африкѣ установился обычай снова крестить тѣхъ еретиковъ, которые возвращались въ лоно католической церкви. Естественно возникъ вопросъ, начался оживленный споре́нія. Епископъ римскій Стефанъ I (253—257) не проявилъ при этомъ надлежащей сдержанности, отказалъ въ приѣмѣ посламъ, прибывшимъ къ нему изъ Африки, и отправилъ туда посланіе, въ которомъ во имя преданій, хранимыхъ отъ апостоловъ Петра и Павла, требовалъ, чтобы африканцы не крестили возвращавшихся въ лоно церкви еретиковъ, а лишь возлагали на нихъ руки. Оскорбленіе, нанесенное посольству, и требовательный тонъ Стефана привели, конечно, къ разрыву. Нашлись два епископа, которые указали Стефану, что онъ не имѣетъ никакого права предписывать. Извѣщая Стефана о постановленіи собора африканскихъ епископовъ, Кипріанъ, епископъ карфагенскій, продолжаетъ: «мы не дѣлаемъ кому-либо насилія и не предписываемъ закона, такъ какъ въ управленіи церковномъ всякій предстоятель пользуется свободнымъ проявленіемъ своей воли и обяза́тъ отдать отчетъ въ своей дѣятельности Господу». Тотъ же епископъ говорилъ на соборѣ, имѣя въ виду вмѣшательство римскаго епископа въ дѣла другихъ церквей: «Никто изъ насъ не поставляетъ себя епископомъ епископовъ и не

приводить своихъ товарищей къ необходимости повиновенію тиранническимъ страхомъ, такъ какъ всякій епископъ, по дару свободы и власти своей, имѣеть собственную волю и столько-же не можетъ быть судимъ другимъ, сколько и самъ судить другого. Мы всѣ ждемъ суда Господа Нашего Иисуса Христа, Который Одинъ только имѣеть власть и поставлять насъ на управленіе Своею церковью, и судить о нашей дѣятельности». И посланіе кароагенскаго епископа Кипріяна, и его рѣчь на соборѣ убѣждаютъ насъ въ томъ, что, при всемъ своемъ уваженіи къ церкви-матери, кароагенскіе епископы нашли что-то новое и притомъ непріятное и даже нелѣпое какъ въ способѣ обращенія, такъ и въ тонѣ посланія епископа Стефана. Съ точки зрѣнія Кипріяна всѣ епископы равны между собою, и ни одинъ изъ нихъ не можетъ повелѣвать другому, не можетъ судить другого, такъ какъ всѣ они—товарищи по служенію одному и тому же высокому дѣлу. И Кипріянъ былъ правъ. Что-то новое на самомъ дѣлѣ появилось. Несомнѣнно, что и Викторъ I, и Стефанъ I смотрѣли на дѣло иначе. Описанные нами случаи относятся къ послѣднимъ годамъ II-го и приблизительно къ половинѣ III в., т. е. къ тому времени, когда легенда, о которой мы говорили выше, стала достояніемъ Рима, какъ дѣйствительный фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію. Не то было за какіе-нибудь тридцать пять лѣтъ до перваго изъ описанныхъ нами случаевъ. И тогда уже расходились во взглядахъ по вопросу о времени празднованія Пасхи римскій епископъ Аникита и смирнскій Поликарпъ, но они даже не вступали въ споръ, а лишь бесѣдовали, при чемъ римскій епископъ не требовалъ и не грозилъ; оба остались при своей практикѣ, но въ мирѣ и общеніи другъ съ другомъ.

Непозбѣжны были въ первые вѣка существованія христіанской церкви споры и пререканія, какъ неизбѣжны были ереси и расколы. Только такимъ образомъ и могли выработаться тѣ положенія, которыя лежатъ въ основаніи первостепенныхъ вопросовъ христіанской догматики. Востокъ, унаслѣдовавшій высочую эллинскую культуру, а вмѣстѣ съ нею и эллинскій духъ пытливости, принималъ самое горячее участіе въ этой

великой умственной работѣ. Христіанскій Римъ, унаслѣдовавшій практическій геній Рима языческаго, стоялъ въ теченіе четырехъ первыхъ вѣковъ почти въ сторонѣ отъ движенія, вызваннаго безчисленными ересями, принимая въ лицѣ своихъ епископовъ участіе лишь въ тѣхъ вопросахъ, которые имѣли преимущественно практическое приложеніе. Въ періодъ споровъ, вызванныхъ ученіемъ Арія, долгое время римскіе папы хранили молчаніе. Первыми вышли изъ пассивной роли Юлій и Ливерій, но дѣйствовали крайне неудачно. Юлій объявилъ еретика Маркелла Анкверскаго правовѣрнымъ, а Ливерій подписался подъ арианскимъ вѣроисповѣданіемъ. Въ продолженіе IV вѣка римская церковь попрежнему оставалась помѣстной, и о вліяніи ея на другія церкви нѣтъ никакихъ извѣстій. Если къ римскимъ папамъ и обращались по поводу того или другого вопроса, то ожидали получить не ихъ личныя рѣшенія, а рѣшенія созывавшихся ими соборовъ. Вселенскія соборныя рѣшенія посылались римской церкви, какъ и другимъ церквамъ, для исполненія.

Таковъ былъ начальный періодъ въ исторіи средневѣкового папства. Важнѣйшимъ явленіемъ не только этого періода, но и всей исторіи папства, мы считаемъ воспріятіе легенды, какъ дѣйствительнаго факта, и усвоеніе послѣдняго римскою церковью. Историческіе факторы не исчерпываются событіями, положеніемъ дѣлъ въ то или другое время и личностью: къ ихъ числу необходимо отнести также идеи. Первопричиною папства, какъ такового, т. е. со всѣми присущими ему свойствами, и была историческая фикція или идея, тѣсно связывавшая возникновеніе римской церкви съ непосредственною дѣятельностью апостола Петра, призваннаго на Западъ княземъ апостоловъ. Изъ ложнаго положенія сами собою слѣдовали строго логическіе выводы. Римская церковь, основанная апостоломъ Петромъ, есть единственная правовѣрная церковь; врата адавы не одолѣютъ ея; она — превыше всѣхъ остальныхъ церквей, и ея епископъ является «епископомъ епископовъ». Такъ какъ церковь должна быть единой, всѣ остальные церкви не что иное, какъ части ея, и епископы ихъ обязаны